

КОЛОСОВА Т. А., ЧЕРЕМИСИНА М. И.

О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Во всех системах классификации сложных предложений (далее — СП), принятых сейчас в русистике (а также в других лингвистических дисциплинах, связанных с описанием разных языков нашей страны, использующих выработанные русистикой теоретические образцы), первыми шагами классификационной процедуры предложения делаются на союзные и бессоюзные и на сочиненные и подчиненные. Однако теоретические основания этих делений, порядок их приложения, а следовательно, и мотивы, определяющие их особую значимость, остаются неясными. Рассмотрению содержательных и формальных оснований этих делений и посвящается настоящая статья.

Как известно, в числе «действующих» классификаций, предложенных разными синтаксистами в течение трех последних десятилетий, есть и такие, где первым задается деление на союзные и бессоюзные предложения [1—3], основание которого, на первый взгляд, кажется ясным: наличие союза или его отсутствие; и такие, которые начинаются делением всех предложений на сочиненные и подчиненные [4]. Соответственно в каждом из этих типов оказываются представлены, а затем противопоставлены друг другу и союзные, и бессоюзные. Порядок следования этих синтаксических категорий определенным образом влияет на наши представления об их содержательной стороне. Однако и в том, и в другом случае существо деления остается нераскрытым, а термины, в которых описываются процесс и результаты деления, не всегда наполняются четким понятийным содержанием.

Рассмотрим сначала под этим углом зрения категорию союзности — бессоюзности. Хотя ее основание и выглядит ясным, однако для того, чтобы на него действительно можно было опереться, необходимо иметь строгое понятие о союзе. Это должно быть такое понятие, которое позволило бы сделать одно из двух: либо противопоставить союзы другим показателям связи, вхождение которых в конструкцию СП оставляет эту конструкцию бессоюзной, либо, наоборот, объединить в общем понятии (может быть, обозначенном каким-то другим термином, в меньшей мере ассоциированным с традиционным представлением о союзе в его противопоставленности, например, частицам, вводно-модальным словам и др.) равные типы связующих средств, вхождение которых не позволяет считать конструкцию «бессоюзной».

В современной системе синтаксических представлений союзными называются не только такие СП, части которых связаны союзами, но и такие, части которых связаны показателями связи, заведомо не являющимися союзами. Наоборот, по ряду веских оснований они противопоставляются союзам. Это не только явная терминологическая некорректность, — за нею стоит и теоретическая неясность отношений между понятиями.

К числу «заведомых не союзов» относятся прежде всего так называемые союзные слова, т. е. относительные местоимения и местоименные наречия, выполняющие функцию члена предложения в составе придаточной части и одновременно осуществляющие, благодаря свойственной им как местоимениям анафорической ориентации, связующую функцию, например: *В 1920 году познакомилась я случайно с одним греком-коммерсантом, у которого был зафрахтован свой пароход* (В. Каверин, Перед зеркалом). В том, что *который* — не союз, никто не сомневается. Но, следуя традиции, мы должны назвать это предложение союзным.

На это противоречие лингвисты не раз обращали внимание и до нас [5—7]. Интересный подход к типологии СП находим в работах С. Г. Ильенко, которая предпринимает попытку терминологически дифференцировать сочинительные и подчинительные союзы. Бессоюзным предложениям автор противопоставляет не один тип «союзных», а несколько типов СП с показателями связи разной природы. В результате в данной системе бессоюзные предложения — это не предложения без союзов, а предложения с отсутствующими скрепами [6, 7].

Этот подход представляется нам интересным и перспективным, но пока остается еще целый ряд нерешенных вопросов. Первая и, в наших глазах, очень существенная неясность связана с тем, что терминологическое разведение показателей, традиционно понимаемых как союзы, на союзы (сочинительные) и подчинители предполагает, что мы умеем отличать подчинительные отношения от сочинительных и знаем, какие показатели выражают сочинение, а какие — подчинение. Но это деление является бесспорным только для ядра показателей связи в СП. Что же касается периферии, — а она очень широка, — то здесь дифференциация сочинительных и подчинительных связей затруднена, а иногда и невозможна.

Другая трудность, с которой мы сталкиваемся, пытаясь вычлнить понятие союзной и бессоюзной связи, обусловлена существованием в русском языке таких служебных языковых единиц, которые, с одной стороны, выступают в функции показателей связи между частями СП, сближаясь в этом качестве с союзами. Но, с другой стороны, эти же слова (сочетания, группы слов) — статус таких единиц составляет особую лингвистическую проблему — выступают в других ролях: частиц, уточняющих синтаксические функции членов предложения или создающих специфические пресуппозиции высказывания, вводно-модальных компонентов и др. Должны ли мы в таких случаях считать омонимами материально тождественные союзы и частицы, например: *ведь, лишь бы, только (бы), же, пусть, пускай, хотя/хоть (бы), и то*; или союзы и вводно-модальные слова (*однако, правда*)?

Разнообразие функций, выполняемых некоторыми из перечисленных единиц, можно проиллюстрировать следующими примерами, где для нас самих функции этих единиц не определяются однозначно как союзные или частичные: *Я только что приехал и то тизонько — я ведь не прощен* (А. С. Пушкин, Каменный гость); *Все эти дни я сердилась на Вас и поэтому долго не отвечала на Ваше письмо, а ведь как хотелось!* (В. Каверин, Перед зеркалом); *Правда, лошади еще не было, да ведь надо же когда-нибудь начинать обзаведение* (И. Бунин, Суходол); *Но Пьер, хотя и не охотно, настаивал на том, что считал справедливым* (Л. Толстой, Война и мир); *Друг детства все равно такой же друг, пусть даже он не получил диплома* (И. Кашежева, Переселяясь в новые дома...).

Соотношение частиц и союзов детально исследовалось А. Ф. Приятиной, описавшей вторичные синтаксические связи в русском языке [8, 9]. Она считает существенным более строгое разделение союзов и частиц, которые могут выступать в союзной функции, но союзам при этом не ставятся. Нам же представляется, что для построения непротиворечивой классификационной схемы СП предпочтительнее другой подход.

Мы признаем, что функцию союза, т. е. «соединителя» двух сообщений или их частей, и функцию частицы, т. е. уточнителя какого-то компонента сообщения (таким компонентом нередко оказывается и союз), может выполнять один и тот же функтив¹. Естественно допустить, что в семантической структуре отдельных функтивов удельный вес функций союзов и частиц может быть разным. Не случайно в работах, посвященных анализу средств связи частей СП, наблюдаются попытки разграничить собственно-союз, союз-частицу (иногда выступающий как частица, имеющий

¹ М. И. Черемисина термином «функтив» обозначила союзы и их эквиваленты, которые неправомерно называть «словами», поскольку передко они состоят из нескольких «слов» [10].

омоним-частицу, например и), частицу-союз (частицу, в определенных случаях функционирующую как союз) и частицу в союзной функции (частицу, для которой эта функция окказиональна). Вместе с тем представляется, что этим тонким делениям может и должно предшествовать более грубое, но не менее важное. В системе классификации СП необходимо прежде всего противопоставить предложения, содержащие показатель связи «союзного типа», предложениям, такого показателя не содержащим. Коль скоро мы видим, распознаем в составе предложения такой показатель, мы не должны относить это предложение к числу бессоюзных; вопрос о природе показателя связи, о его положении на шкале «частица-союз» мы сможем поставить на следующем этапе анализа.

Термин «бессоюзные предложения» как имя класса, который противопоставляется всем видам и типам СП с разными видами показателей связи, представляется нам неудачным и требующим замены. Ясно, что дело не в наличии или отсутствия именно союза, а в наличии или отсутствии какого бы то ни было линейного показателя связи. Правильнее было бы говорить о СП без показателей связи между предикативными единицами, оговаривая при этом, что под показателем связи понимается определенный сегмент плана выражения, выполняющий связующую функцию. Это может быть отдельное слово, сочетание слов, контактное или дистантное, а также, — если иметь в виду не только русский язык, — морфема, сочетание морфем (контактное или дистантное), сочетание морфем с аналитическими, «словесными» показателями.

Из сказанного следует, что к числу предложений с показателями связи мы относим не только те, что традиционно именуются союзными (в широком и противоречивом значении этого термина), но и предложения, квалифицируемые обычно как бессоюзные. Таковы, например, построения, в составе которых С. Г. Ильенко усматривает дейктические показатели связи [6, с. 13—14]: *Жизнь в Питере стала каторгой, так все дорого* (В. Каверин, *Перед зеркалом*).

Обратимся теперь к другому аспекту типологии СП — к локализации показателей связи. В современных классификациях СП этот признак в качестве основания деления не используется и не обсуждается, хотя при описании конкретных типов предложения вопрос о значимости локализации связующего компонента возникает довольно часто. Так, скрепы типа *же* и *тоже*, которые никогда не занимают инициальной позиции в составе предикативных единиц, именно по этой причине оцениваются обычно как частицы, а не союзы. С этой точки зрения представляется интересной мысль С. Г. Ильенко о том, что сложные предложения с подчинительными союзами и с относительными словами (сложноподчинительные и сложнотносительные, в ее терминологии) объединяются в некий общий класс по признаку «средство связи находится в составе придаточного предложения» [6, с. 14]. Будучи высказанной, эта мысль тотчас рождает дальнейшие вопросы, требуя развития и уточнения. Во-первых, напрашивается мысль о возможности дальнейшего обобщения в заданном направлении: ведь сочинительные союзы и дейксисы тоже локализованы в определенном звене сложной конструкции, однако звено, включающее дейксис, а тем более сочинительный союз, как придаточное обычно не оценивается. Во-вторых, возникает вопрос о других классах, которые должны быть противопоставлены данному, выделенному С. Г. Ильенко. Мы имеем в виду конструкции, в составе которых представлены два показателя связи (один в одной предикативной единице, другой — в другой), — или, может быть, один показатель с дистантным расположением частей, — это тоже проблема, связанная с теоретической интерпретацией наблюдаемых фактов.

В связи с этим вновь встает вопрос о границах понятия «подчинение». В системе простого предложения термин «подчинение» обозначает одностороннюю зависимость, доминацию, при которой четко распознаются подчиняющее и подчиняемое. Поэтому операциональным критерием подчинения может быть элиминация зависимого компонента, не влекущая за собой нарушения правильности подчиняющего, главного компонента.

В этом смысле корректным примером подчинения в системе СП может служить предложение *Когда завернуло ненастье, пришлось гостиную забить наглухо* (И. Бунин, Суходол). Показатель связи представлен здесь в придаточной части, которую можно элиминировать, не нарушив правильности главной части.

Однако сложноподчиненными мы называем не только такие предложения, которые удовлетворяют этому требованию. Например, предложение *И одиночество было так безнадежно, что порою Кузьма называла себя Дрейфусом на Чертовом острове* (И. Бунин, Суходол) состоит из двух частей, в составе которых мы видим два показателя связи — или части одного показателя с дистантным расположением компонентов. Ни одну из предикативных частей мы не можем элиминировать таким образом, чтобы остающаяся часть оказалась правильным простым предложением. Отношения между его частями, с нашей точки зрения, не следует интерпретировать как подчинение. Перед нами особая, более сложная, взаимная связь частей, которую можно было бы назвать взаимным подчинением.

Термин «взаимное подчинение» был создан А. М. Пешковским для обозначения такой связи частей в составе СП, при которой «необратимое отношение выражено одновременно и однородно в обоих соотносящихся». Части, соединенные такой связью, он называет «взаимпридаточными», а отношения взаимного подчинения рассматривает не как разновидность подчинения, а как особый вид связи, «вне сочинения и подчинения» [11, с. 467—468]. У А. М. Пешковского круг конструкций с отношениями взаимного подчинения очень узок. В дальнейшем предпринимались попытки расширить объем этого понятия. Кроме предложений типа *Крестьянин ахнул не успев, как на него медведь напал* (И. А. Крылов, Крестьянин и Работник), в этот тип были включены и конструкции, построенные на модели *Чем ночь темней, тем ярче звезды* [12, 13]. Наше употребление этого термина не выпадает, таким образом, из традиции.

Заметим попутно, что специальные исследования СП в алтайских языках Сибири, выполняемые синтаксической группой Отдела филологии ИИФФ СО АН СССР, обнаружили любопытный факт: при том, что подавляющее большинство функциональных типов русских СП находит себе достаточно близкую параллель в этих сибирских языках, модель с отношениями взаимного подчинения, выражающая идею следствия или степени признака (*Вода такая прозрачная, что видны все камни на дне; Я так устал, что не могу нести этот мешок* и т. п.), ни в эвенкийском, ни в тувинском, ни в алтайском языках соответствия не получает. Информанты заменяют ее либо на причинную (*Не могу, потому что очень устал*), либо на следственную (*Устал, поэтому не могу / и не могу...*); первый показатель, местоименный, выражающий относительность меры признака, заменяется абсолютной характеристикой «очень». Это является ярким свидетельством того, что перед нами конструкция, части которой связаны синтаксическими отношениями, более сложными, чем обычное подчинение.

В связи со сказанным нельзя не задуматься и о природе синтаксической связи, выражаемой так называемыми составными союзами типа *потому что; потому, что; потому..., что*. Часто говорят, что это варианты, различающиеся лишь в отношении актуализации и эмпазы [14]. Однако даже сама возможность использовать именно этот причинный союз в тех случаях, когда нужно выразить такого рода различия, свидетельствует о его особом положении среди других, нечленных союзов той же функциональной группы. Например, союз *так как* можно считать вполне синонимичным союзу *потому что*, но не он членится на части, которые были бы способны распределяться между предикативными единицами, — а в силу этого он оказывается не способен, как и союз *ибо*, сочетаться с частями. Частицы и другие уточнители, сочетаясь с левым компонентом союза, как бы «оттягивают» его в сторону первой (главной) части, отрывают от собственно-союзного компонента *что*. Например: *Впрочем, море я не стала бы писать — и не только потому, что оно слишком красиво; Мы встречались... не потому, что нас связывали общие интересы,*

а потому, что обе нуждались в женской дружбе; ... она сравнила произведения кубистов с каменными бабами, что, по-моему, вздор, хотя бы потому, что нельзя безоговорочно сравнивать живопись и скульптуру; Упомяну, впрочем, еще один (магазин), да и то потому, что на его витрине выставлен «морской черт...» (В. Каверин, Перед зеркалом).

Подобные примеры порождают много вопросов, которые уже не раз обсуждались, но вновь становятся актуальными в связи с постановкой задачи анализа и классификации показателей связи между частями СП. Как следует оценивать природу и как называть составные части показателей типа *(да и то) потому* (.) *что*? В скобки мы заключили «факультативные» компоненты, которых может и не быть; но если они появляются, сохраняет ли скрепа тождество самой себе? Слово *потому*, отделенное запятой (и слово ли это?), следует ли считать принадлежащим той же самой предикативной части, которой принадлежит и *что*, или запятая «вытесняет» его в другую часть, главную? Союз *потому что* (без запятой) естественно назвать «подчинителем», по С. Г. Ильенко. При наличии же запятой это уже не так естественно. Но как надлежит квалифицировать этот показатель связи? Еще острее этот вопрос стоит в случаях дистантного расположения *потому и что*: *Мы потому спросили Петрова, что были уверены в его объективности*. Говорить о «подчинителе», который, по определению, принадлежит только придаточной части, в этом случае не приходится, ибо компонент *потому* органически входит в главную часть.

Вопрос, который ставят перед синтаксистами подобные показатели, касается всего синтаксического статуса указательного местоимения. «Указательное местоимение» — термин морфологической; называя эти слова «соотносительными», имеют в виду их функцию, однако эта функция недостаточно четко увязывается с другими функциями служебных компонентов, обслуживающих сложное предложение. Соотносительные слова «соотносятся» с союзами; но если соотносительное слово станет частью слова, сохраним ли мы право говорить о соотношении? Традиция отвечает на этот вопрос отрицательно. Но как в таком случае должна проводиться граница?

Однако независимо от того, признаем ли мы последовательность расчлененных компонентов одним составным союзом или сочетанием местоимений с союзом, нельзя игнорировать тот факт, что местоименный компонент принимает непосредственное участие в выражении отношений между предикативными частями. А распределение скреп (или частей одной скрепы) между двумя предикативными единицами означает усложнение самой синтаксической связи, которая перерастает границы однонаправленной доминации.

Другая сторона проблемы, которая возникает как прямое следствие повышения внимания к локализации показателя связи, обращена к сложносочиненным конструкциям. До сих пор существуют сторонники точки зрения, в свое время высказанной А. М. Пешковским, согласно которой сочинительный союз, в отличие от подчинительного, не входит ни в одну из частей, но располагается между ними. Однако определения того, что значит «находиться между», мы в литературе не находим, как не находим и каких-либо операций анализа, которые подтвердили бы предполагаемую специфику сочинительных союзов. Операция обращения (которая естественно усматривается за понятием «обратимости» отношений сочинения, по А. М. Пешковскому), как известно, этой специфики не подтверждает [11, с. 465].

Гораздо более адекватной нам представляется точка зрения М. Н. Петерсона, который в этом плане не видел разницы между сочинительными и подчинительными союзами [15]. И в том, и в другом случае союз принадлежит той части, в которую он входит; назовем ее придаточной или нет, вхождение союза делает ее несамостоятельной. Ср., например: *Это был первый пароход в нынешнюю навигацию, и встречать его на берег высыпало все население поселка* (Б. Горбатов, Возвращение Саганау). — *Это был первый пароход в нынешнюю навигацию, так что встречать его на берег высыпало все население поселка.*

Очевидно, таким образом, что позиция союза (показателя связи) не проливает света на природу сочинительных и подчинительных отношений в их противоположности друг другу. Среди союзов, оцениваемых как подчинительные, мы находим такие, которые возглавляют только вторую часть, т. е. формируют, по терминологии В. А. Белошапковой [2], конструкции негибкой структуры (*ибо, так что*), а среди сочинительных — повторяющиеся, начинающие собой каждую из частей (*ни — ни, то — то, не то — не то* и др.).

Остановимся несколько подробнее на проблеме отношений между сочинением и подчинением, которая является одной из самых спорных проблем синтаксиса СП.

Сочинение и подчинение признаются в лингвистике фундаментальными понятиями учения о синтаксических связях, причем о связях, понимаемых как межъязычные, которые могут связывать и словоформы, и словосочетания, и предикативные единицы. Однако содержательно эти отношения были определены применительно к простому предложению. Специфика сочинения в этой сфере усматривалась в том, что сочиненные группы занимают в предложении одно и то же синтаксическое место [16]. Такие группы трактуются как однородные члены, т. е. как один и тот же член предложения, представленный двумя или более сочиненными словоформами.

В системе СП возникает качественно новая грамматическая ситуация, невозможная в простом предложении. Она состоит в том, что сложносочиненный бином представляет собой автономное высказывание, несколько не менее самостоятельное, самодостаточное, чем любой сложноподчиненный бином. Предложения типа *Душно стало в сагле, и я вышел на воздух освежиться* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени) рассматривают в кругу сложносочиненных закрытой структуры [2], в которых, несмотря на более сложный (по сравнению с предложениями открытой структуры) характер передаваемых отношений, «сочинительная связь объединяет равноправные компоненты и является показателем их равноправия» [17]. Тезис о равноправии сочиненных компонентов, к которому апеллирует здесь О. Б. Сиротинина, был перенесен в сферу сложного предложения из синтаксиса простого предложения. В простом предложении действительно всегда есть то «третье», перед которым сочиненные члены оказываются равноправными². Но если никакого третьего нет, как это имеет место в сложносочиненном биноме, то тезис о равноправии повисает в воздухе. Более того, между частями (предикативными единицами, обозначающими события) часто возникают заведомо неравноправные отношения. Например: *Зима была снежная, и все ждали сильного половодья; Все ждали сильного половодья, потому что зима была снежная*. Ср. также: *Зима была снежная, но сильного половодья не ждали — Хотя зима была снежная, сильного половодья не ждали — Зима была снежная, хотя сильного половодья и не ждали*.

«Равноправие» частей, таким образом — просто другая сторона, другая формулировка того же утверждения об обратимости, о котором мы уже говорили. Несостоятельность обоих утверждений можно считать доказанной. А это значит, что современная наука не располагает сколько-нибудь надежными критериями разграничения сочинения и подчинения.

Конечно, и в СП соотносимость двух предикативных единиц с третьей возможна, и тогда мы можем усмотреть между ними отношения равноправия. Но это будет уже не сочиненный бином, а усложненное построение, состоящее из трех предикативных единиц: *А когда праздник кончился и гости разъехались, Гаян пошел по берегу* (Б. Горбатов, Таян-начальник); *Когда целкают парикмахерские ножницы над ухом, меня всегда отчего-то клонит в сон и скулы сводит зевотой* (Г. Бакланов, Помню, как сейчас...). Ю. А. Левицкий, учитывая это, утверждает даже, что «логически всякое сочинение представляет собой соподчинение» [18].

² На этот факт указывал и А. М. Пешковский, утверждая, что «сочинение внутри предложения — лишь эпизод на фоне подчинения» [11, с. 60].

Близкую позицию занимает Е. Н. Ширяев, который общей для всех сочинительных союзов функцией считает «выражение одинаковой ответственности, в том числе и *п о т е н ц и а л ь н о й*, двух связываемых этим союзом компонентов к третьему» (разрядка наша.— К. Т., Ч. М.) [19]. Соответственно, союз *но* в конструкции *Светит солнце, но все-таки холодно* является сочинительным потому, что на основе данной конструкции можно построить, например, следующую: *Он сказал, что светит солнце, но что все-таки холодно*.

Эта интерпретация сочинения, бесспорно, представляется интересной, потому что она является едва ли не единственной, которая не опровергается фактами, лежащими на поверхности. Однако она оставляет открытым вопрос о том, почему же потенциальной возможности или невозможности соотношения сложного предложения с чем-то третьим должна отводиться такая ведущая роль в системе классификации сложных предложений. Почему классификация должна начинаться именно с этого деления?

То значение, какое придается оппозиции «сочинение — подчинение» в русистике, оказывает сильное давление на тех, кто описывает синтаксис других, в частности, алтайских языков. Авторы считают себя обязанными отыскать в этих языках прямую или достаточно близкую, несомненную аналогию русскому сочинению. Однако теоретическая неясность соответствующего понятия в системе русистики накладывает отпечаток на направление и характер этих поисков. Прежде всего возникает вопрос: что же есть сочинение — особый формальный тип связи или особое, отличное от подчинения, содержательное отношение между событиями?

Если это формальный тип связей, то во всех языках, как и в русском, сочинение должно интерпретироваться как связь, выражаемая союзами. Подчинение же, как известно, может передаваться и другими, в частности морфологическими способами, которые четко противостоят аналитическим. В языках агглютинативного строя для связи предикативных частей СП легко и естественно используются те же самые средства, что и для связи словоформ в простом предложении. Зависимые предикативные единицы здесь могут принимать различные надежные формы в зависимости от выражаемых отношений. Так, предикативная единица, выступающая в функции обстоятельства времени, закономерно принимает аффиксы местно-временного, дательного-местного и других падежей, которые приняло бы и существительное в этой функции. Например, в алтайском языке (тюркская семья): *Сен-келген* «Ты пришел», где *-ге-* (<ген) — показатель прошедшего времени, *-н* — показатель 2-го л. ед. ч. Ср.: *Сен келгенде мен сўбүнөтөм* «Когда ты приходил, я радовался» (*-де* — показатель местного падежа).

Такие специфические полипредикативные конструкции с морфологическими (синтетическими) формальными средствами выражения отношений между предикативными частями осмысливаются как сложноподчиненные. Союзные же конструкции, подобные русским, должны оцениваться в этом случае как сложносочиненные. При этом в число сложносочиненных попадают, например, причинные конструкции, те, части которых связаны союзами, тогда как другие предложения, выражающие причинные отношения событий, относятся к числу сложноподчиненных, поскольку эта связь выражается падежными аффиксами и послелогами.

Если же сочинение понимается как некоторое специфическое содержательное отношение, тогда сложносочиненными следует признать такие конструкции в алтайских языках, которые функционально эквивалентны конструкциям с сочинительными союзами. Переводными эквивалентами русских конструкций с союзами *и*, *а*, *но* нередко оказываются в алтайских языках конструкции, в составе которых сказуемое зависимой части принимает форму одного из деепричастий «соединительного типа», т. е. самой широкой, неопределенной грамматической семантики (в тюркских языках это деепричастия на *-н*, *-а*, в бурятском — на *-жа*, *-аад*, в эвенкийском — на *-ми* и некот. др.). Хотя, вообще говоря, в грам-

матиках этих языков признано, что деепричастие образует с глаголом подчинительное сочетание, однако конструкции с названными «простейшими» деепричастиями, в нарушение общей логики, признаются сочинительными.

С такого рода содержательной трактовкой сочинительных отношений мы сталкиваемся и в «Русской грамматике», созданной русистами Чехословакии. При описании сложносочиненных предложений, выражающих соединительные отношения, здесь названы не только конструкции, оформленные одноместными и двухместными союзами (*и, да, да и, а, же; ни—ни, то—то*), но и конструкции с коррелятивными местоимениями и наречиями: *кто — кто, что — что, кто-то — кто-то* (например: *Кто-то читал, кто-то писал*; ср. также: *Один писал, другой читал*) и т. п. Функциональным эквивалентом соединительных сложносочиненных предложений оказываются и предложения, традиционно квалифицируемые как сложноподчиненные с придаточным присоединительным (в Грамматике-70 названные относительно-распространительными). Например: *Мы долго боялись его, что вызывало у взрослых недоумение* [20].

При такой семантической трактовке сочинения вопрос о выражающих его средствах становится второстепенным. В инвентаре таких средств мы встречаем самые различные показатели, в том числе и прочно ассоциированные с подчинением. Нисколько не оспаривая правомерности подобного семантического подхода, не ставя под сомнение тот факт, что выводы, которые могут быть получены на этом пути, для языковедения интересны, мы не можем в то же время не отметить, что семантическая трактовка сочинения несовместима с использованием этого понятия на ранних этапах построения формально-семантической классификации СП.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, с нашей точки зрения, общее множество СП (биномов) на начальном этапе классификационной процедуры должно оцениваться с точки зрения наличия или отсутствия в их составе такого отрезка, который может быть назван показателем связи. Соответственно предложения, содержащие такой показатель, можно назвать предложениями с выраженной связью, а не содержащие его — предложениями с невыраженной связью. При этом выраженность будет пониматься как выраженность с помощью линейного показателя связи, а под показателями связи будем понимать такие элементы, вхождение которых лишает предикативное построение качества простого законченного предложения. Как вытекает из анализа фактов и русского, и других языков, показатели связи бывают нескольких существенно разных типов. Нам представляется целесообразным сначала разделить все показатели по признаку — совмещает или не совмещает данный отрезок функцию показателя связи с ролью какого-то члена предложения. Не задерживаясь пока на классах, которые при этом выделяются, продолжим деление предложений, части которых связаны с помощью специальных показателей, не являющихся членами содержащих их простых частей. Все такие предложения могут и должны подразделяться далее в соответствии с самыми общими формальными характеристиками показателей связи.

Все множество показателей представляется целесообразным разделить на классы с учетом того, каким составляющим сложной конструкции принадлежит данная скрепа. Под этим углом зрения выделяются одноместные показатели, входящие в одну из частей, — эта часть тем самым оказывается несвободной³; им противостоят двухместные показатели, компоненты которых входят в каждую из связываемых частей, в результате чего несвободными оказываются обе части.

Одноместные показатели, в свою очередь, распределяются по нескольким классам. Прежде всего, имея в виду не только русский, но и другие языки мира, мы должны противопоставить аналитические показатели,

³ В Грамматике-80 отмечается, что «одноместный союз располагается между соединяемыми частями текста или позиционно примыкает к одной из них» [21, с. 718].

представляющие собой служебные слова (аналоги слов, словосочетаний, сочетаний и групп слов) показателям морфологическим, т. е. морфемам или цепочкам морфем, регулярно маркирующим зависимую предикативную единицу в алтайских и многих других языках. Это аффиксы деепричастий, косвенных наклонений, падежные аффиксы, которые принимает сказуемое зависимой части, но никогда не принимает сказуемое простого предложения или независимой части сложного. Если к морфологическим показателям добавляются аналитические уточнители, — частицы, послелоги, служебные имена, — природа показателей усложняется, и они могут быть аналитико-синтетическими. В русском языке морфологические показатели связи частей в сложном предложении почти не используются. Исключение — предложения ирреального условия типа *Щепотки волосков лиса не пожалей — остался б хвост у ней* (И. А. Крылов, Лиса), где зависимый характер первой предикативной единицы выражен специфической инфинитивной формой ее сказуемого.

Для русского и других европейских языков характерны аналитические показатели связи частей СП, представляющие собой слова и сочетания слов, которые присоединяются к синтаксической форме законченного предложения. Наиболее яркими представителями множества таких показателей являются простые союзы, в равной мере сочинительные и подчинительные: *и, а, но, что, ибо, если, когда* и т. п. Но мы хотели бы подчеркнуть, что в это множество органически входят не только одноместные союзы других типов, но также и частицы, выступающие в союзной функции, и соединения «классических», признанных союзов с разного рода частицами и другими «вспомогательными» словами-конкретизаторами [21, с. 714]: *и все-таки, а все-таки, и все же, а все же, но все же, и значит, а значит, а поэтому, и поэтому* и мн. др. О целостности этих показателей свидетельствует, в частности, нейтрализация противопоставления между базовыми союзами в составе таких соединений: *Машины на Вестсайдском хайвее по-ночному мало, и все же хайвее не спит* (С. Кондрашов, Близки Нью-Йорка) — ср.: *Машины на Вестсайдском хайвее по-ночному мало, но все же хайвее не спит / ..., а все же хайвее не спит*. Соединения союзов с частицами постоянно пополняют собою общий фонд показателей связи. Разграничение же случайных, свободных сочетаний и устойчивых — это интересный вопрос, но мы его сейчас не обсуждаем.

Все рассмотренные выше аналитические показатели мы хотели бы объединить в родовом понятии «союзная скрепа» (или «скрепа союзного типа»). «Союзным скрепам», функцивам, противопостоят «прономинальные скрепы», отличительный признак которых — совмещение связующей функции с функцией члена предложения. В этот класс показателей входят, составляя его ядро, относительные местоимения и наречия, выступающие в функции союзных слов: *кто, который, какой, чей, сколько, куда, где, почему* и др. Кроме того, сюда же должны, по-видимому, войти и местоименные слова указательного типа: *так, такой, столько, настолько, поэтому* (и, возможно, некоторые другие). Например: *У меня зуб на зуб не попадал, так я замерз; С меня градом лил пот, такая была жара; Я потерял билет, поэтому поездка не состоялась*. Предложения такого типа традиционно рассматривались как бессоюзные. С. Г. Ильенко скрепы *так, такой* и *натурально* назвала дейксисами. С нашей точки зрения, скрепы-«реляторы», т. е. К-местоимения, и «дейксисы», т. е. Т-Местоимения, выступающая в роли одноместных показателей связи, должны быть объединены в общем понятии и лишь затем могут быть взаимно противопоставлены. Общим признаком этих прономинальных скреп в их противопоставленности функцивам, скрепам союзного типа, мы считаем характер выражаемой связи. Будучи местоимениями, эти слова и в роли скреп выражают отношения анафорического типа, т. е. собственно анафорические (К-местоимения), или дейктические (Т-местоимения). Эти отношения, как нам кажется, следует противопоставлять не сочинению и не подчинению, а категориям «сочинения / подчинения» в целом.

Вернемся к выделенному выше классу двухместных показателей связи.

Этот класс внутренне не однороден, в нем выделяется несколько существенно разных групп. Различающие их свойства могут показаться даже более весомыми, чем объединяющие их признаки. Поэтому полезно подчеркнуть этот общий признак, побуждающий нас выделить все двухместные скрепы в особый класс. Этот признак мы видим в том, что синтаксическим содержанием двухместных скреп являются не однонаправленные, а обоюдные, двусторонние связи. Они сложнее однонаправленных связей. Поэтому не удивительно, что и в плане содержания, и в плане выражения эти отношения гораздо вариативнее рассмотренных выше.

Мы не ставим своей целью предложить сейчас сколько-нибудь проработанную классификацию этих отношений и выражающих их двухместных скреп. Это проблема, заслуживающая специального тщательного исследования. Мы же ограничимся лишь представлением и самой беглой характеристикой тех групп, которые нам удалось увидеть и в какой-то мере осознать.

Прежде всего следует, видимо, выделить значительную группу показателей, в состав которых входят так называемые соотносительные слова, т. е. Т-местоимения. Их «противочленами» в другой части конструкции могут быть либо относительные К-местоимения, либо союзы, и соответственно можно говорить о двух подклассах этого класса: 1-й класс — *тот — кто, то — что, такой — который, такой — какой, таков — каков, тогда — когда, там / туда / оттуда — где / куда / откуда* и др. 2-й подкласс — *тот / такой / таков — что / чтобы / будто, словно, как будто* и др.

В связи со сказанным заслуживают внимания и комментарии так называемые союзы типа *потому что*, в составе которых тоже присутствуют, по крайней мере этимологически, Т-местоимения. Если такой союз распределяется между двумя предикативными единицами, Т-местоимение «оживает» и сближается с показателями, рассмотренными выше. Этот многочисленный класс скреп (*благодаря тому, что; вследствие того, что; в связи с тем, что; кроме того, что; за исключением того, что; после того, что; после того, как* и мн. др.) под таким углом зрения заслуживает специального рассмотрения.

Другой крупный класс составляют двухместные показатели связи, обе части которых представлены скрепами союзного типа; объединяясь между собой, они становятся выразителями новых, более сложных содержательных отношений. Внутри этого класса, в свою очередь, выделяется несколько групп. Первая, на наш взгляд — простейшая, представлена так называемыми «повторяющимися» сочинительными союзами: *ни — ни, то — то, не то — не то, то ли — то ли* и др. К ним примыкает сопоставительный союз *если — то*, который не является, конечно, «повторяющимся», но, как и «повторяющиеся», характеризуется постоянным составом своих компонентов. Сопоставительный союз *если — то* не тождественен условному *если — (то)* с факультативным вторым элементом. Этот показатель входит в другую группу, где он объединяется с такими, как *поскольку — (то), когда — (то), так как — (то)* и др. Заметим, однако, что о «факультативности» в этом случае мы говорим несколько условно. Может быть, было бы строже и правильнее говорить о существовании в современном русском языке параллельных рядов скреп: двухместных типа *поскольку — то* и синонимичных им одноместных типа *поскольку*. Ведь двухместность скрепы мы потому считаем важным формальным и содержательным признаком, что с каждым компонентом связываем особую функцию, что и позволяет ставить вопрос о двунаправленности, взаимности связи частей.

Последняя группа двухместных показателей связи, которая нам кажется особенно интересной, — это так называемые «синтагматически связанные двухместные союзные соединения» [22] типа *добро бы — а то, ладно бы — а то, будь бы — а то* и некот. др. Заметим, что позицию *а то* иногда занимает противительный союз *но*. Подобные скрепы возникли в результате компрессии сложных предложений, состоящих из трех предикативных единиц, и фразеологизации отдельных элементов

этой конструкции. Сравним: *Ладно бы, если бы фабрика в Кирове была единственной, а то ведь многие предприятия гонят дешевый ширпотреб с богатой отделкой* (Правда, 1982, 11 февр.). — *Ладно бы фабрика в Кирове была единственной, а то ведь многие предприятия гонят дешевый ширпотреб...*

Эти скрепы заслуживают специального внимания и потому, что на их примере особенно наглядной становится неправомерность интерпретации всех выраженных линейно связей в терминах «сочинение / подчинение». Компонент *а то* в составе этих двухместных показателей материально тождественен одноместной союзной скрепе, которую в пособиях по современному русскому языку оценивают обычно как сочинительный союз [23]. По нашим же данным, ядро конструкций с этой скрепой составляют предложения альтернативной мотивации, которые по семантике явно близки к сложноподчиненным [24]. Что же касается первых компонентов этих двухместных показателей — *добро бы, ладно бы*, — то они очевидным образом вбирают в себя содержание условного, т. е. подчинительного союза *если*, обогащая его семантику субъективно-оценочным компонентом. С нашей точки зрения, эта связь выходит за рамки как сочинения, так и подчинения.

Таким образом, главная мысль этой статьи состоит в следующем. Сформировав понятие линейного показателя связи, в котором обобщены традиционные представления, с одной стороны, о союзах и их эквивалентах — частицах в союзной функции и модальных словах в той же роли — а с другой стороны, о местоименных словах, указательных и относительных (с корневыми элементами Т- и К-), мы получаем возможность «вынести за скобки», исключить из дальнейшего анализа на данном этапе те сложные предложения, которые не содержат никаких линейных показателей связи. В данной работе они нас более не интересуют.

Дальнейшую классификацию мы строим, опираясь на типологию показателей связи, исходя из убеждения в том, что между типами показателей связи и характером выражаемых ими синтаксических отношений существует определенная корреляция. В результате проделанного анализа мы пришли к выводу, что сведение всех синтаксических отношений между предикативными частями сложных предложений к сочинению или подчинению существенно обедняет ту картину действительности, которую уже позволяет увидеть состояние сегодняшних синтаксических знаний. Оппозиция «сочинение — подчинение», помещенная в вершину классификационного дерева, становится тормозом для синтаксической мысли, мешая увидеть и осознать существование качественно других отношений. Такими отношениями, не говоря о нередко наблюдаемой нейтрализации оппозиции «сочинение — подчинение», являются отношения, передаваемые разными типами двухместных скреп; это, в частности, и отношения взаимного подчинения, и отношения, которые можно осмыслить как лекий синтез сочинения и подчинения, дающий новое качество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
2. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
3. Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969.
4. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис. М., 1968, с. 296.
5. Василенко И. А. К вопросу о союзных и бессоюзных предложениях в русском языке. — В кн.: Вопросы современной филологии. М., 1965.
6. Ильенко С. Г. К вопросу об общей типологии сложного предложения. — В кн.: Переходность в системе сложного предложения современного русского языка. Казань, 1982.
7. Ильенко С. Г. Сложное предложение в современном русском языке. Л., 1976, с. 31.
8. Прияткина А. Ф. Союзные конструкции в простом предложении современного русского языка: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Владивосток, 1977.
9. Прияткина А. Ф. Вторичные союзные связи. — В кн.: Исследования по славянской филологии. М., 1974.

10. Черемисина М. И. Союз как лексическая единица языка (лексема или функция?).— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1973, с. 38.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
12. Ванлова М. Л. Сложные предложения с союзом *чем — тем*.— ВЯ, 1957, № 2, с. 100.
13. Бархударов С. Г., Крючков С. Е. Учебник русского языка. Ч. 2. Синтаксис. М., 1968, с. 94.
14. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 713.
15. Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.— Пг., 1923, с. 32.
16. Перетрухин В. Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Воронеж, 1979, с. 7—39.
17. Сироткина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. М., 1980, с. 9.
18. Левицкий Ю. А. Проблемы сочинения. Пермь, 1980, с. 5.
19. Ширяев Е. Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе.— ФН, 1980, № 2, с. 51.
20. Русская грамматика. Т. 2. Прага, 1979, с. 904—914.
21. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
22. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980, с. 719.
23. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Папукович В. В. Сборник упражнений по современному русскому языку. М., 1964, с. 324—325.
24. Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.